

ДЕНЬ В ВЕШЕНСКОЙ

Донская земля жила своими обычными весенними заботами. Но в будничном движении все явственнее ощущалась какая-то приподнятость — близился шолоховский юбилей. Волной прокатились по городам и станицам дни советской литературы, на заводах, в колхозах и совхозах проходили читательские конференции, то там, то здесь появлялись афиши о юбилейных вечерах. В эти предпраздничные дни газетные дела привели меня в Миллерово, в то самое, где не раз пересекались судьбы шолоховских героев и от которого рукой подать до знаменитых Вешек.

Я не сомневался, что давняя мечта побывать в легендарной казачьей станице теперь наверняка сбудется. Но, что сбудется она таким удачным образом, не подозревал.

В Миллерово готовились торжественно отметить 75-летие Михаила Александровича. Решили пригласить Вешенский самодеятельный народный ансамбль песни и танца вместе с народным театром, который специально к юбилею подготовил спектакль «Поднятая целина». Рано утром мы выехали за вешенскими артистами.

Автобус легко бежал по асфальту. Просторные поля тянулись слева и справа. Сто сорок километров по нынешним временам — не дорога. Но какими трудными были эти версты для шолоховских героев в то суровое, героическое время! Не эта ли дорога стала местом проверки социальной твердости секретаря волостной комсомольской ячейки Покусаева из первого шолоховского рассказа «Испытание»? И не по этой ли дороге так хотелось Николке Кошевому уехать в город учиться, но вместо учебы гонял Николка по логам и балкам озверевшую казачью банду...

Иногда дорога ныряла в неглубокий ложок, а когда автобус взбегал на пригорок, впереди открывался вдруг небольшой хуторок, и в памяти вновь оживали страницы шолоховских книг. И было странно думать, что здесь когда-то разламывалась надвое жизнь верхнедонского казачества и в кровавой схватке схлестывалось новое со старым. Очень уж давним и прочным покоем веяло от добротных кирпичных домов, что встречались по пути, тихими и ласковыми выглядели широкие изумрудные поля.

Но вспомнились слова Михаила Александровича, написанные еще в 1926 году: «Поросшие подорожником и лебедой окопы (их можно видеть на прогоне за каждой

станцией), молчаливые свидетели недавних боев, могли бы порассказать о том, как безобразно просто умирали в них люди». Теперь трудно отыскать «молчаливых свидетелей», однако о страшных событиях тех дней с неподдельной искренностью и прямотой рассказал сам писатель, и они навсегда шагнули из его книг в память народную...

А лента асфальта все бежит и бежит навстречу. Вот автобус выскочил на базовскую гору и впереди открылась, словно роспись на голубом небосклоне, — Вешенская. Подковой серебрился у подножия красавец Дон. Чуть в стороне набиным ковром раскинулся сосновый бор. Автобус осторожно спустился вниз и сразу же справа вплотную к дороге подступила река, а слева — лес. Не проехали и километра, как шофер радостно вскрикнул:

— Смотрите, лось!

У самой дороги стоял лесной красавец и с любопытством смотрел на приближающуюся машину. Потом неторопливо развернулся и с вызывающим спокойствием двинулся в чащу. Было видно, что чувствует он себя в рукотворном лесу весьма уверенно. А лес этот, преградивший путь сыпучим пескам, подступает к самой переправе.

Странное ощущение вызывает вешенский паром. Вспомнилось, как перебирались мы однажды через Оку в Тарусу к К. Паустовскому, посмотреть на небольшой домик писателя, что примостился в зеленом ложку неподалеку от реки. Все там было размеренным и неторопливым. И тихая та переправа навевала столь же спокойную грусть.

Иные, беспокойные чувства вызывает в душе вешенский паром. Широкая лента асфальта обрывается почти у кромки полноводного Дона, который, круто изогнувшись у самых ног станицы, величаво поворачивает на юг к Азову. Прерывая будничные бег машин, придерживая спешащих

на левый берег людей, знаменитая река как бы предупреждает, что сейчас предстоит шагнуть из повседневной суеты в легендарный мир шолоховских героев, в мир яростный, необыкновенный. И в ожидании паромы ты невольно осмысливаешь всю важность предстоящего события.

Шумно на переправе. Не видно воловьих упряжек, не слышно лошадиного ржания. Вешенцы все больше теперь восседают на мотоциклах, «Жигулях». И все же, вглядываясь в лица людей, я невольно ловил себя на мысли, что пытаюсь узнать в них Нагульнова или Аксинью, Разметнова или Варюху, а то и самого Григория Мелехова... В беззлобных перебранках, в шутках и подначках слышались разговорная стихия шолоховских книг, и я не переставал удивляться, как точно схвачен писателем сам дух народной речи и как живуч он на этой земле. Говорю не о лексике, которая, конечно же, изменилась, а про особый аромат верхнедонской речи.

Пристально вглядываясь в левый берег: где-то там должен быть знакомый по фотографиям особняк. У причала, мягко прокричав, развернулся и пошел вниз по реке белый теплоход. Угомонился и наш паром, задрожал всем телом и плавно двинулся к левому берегу. Худощавый старичок с разметновскими усами-щечками, догадавшись, что перед ним человек нездешний, стал пояснять:

— Вообще-то, у нас понтон. Но его наводят, как схлынет паводок...

С паромом хорошо виден новый речной вокзал, кинотеатр «Колос», старый собор... Виден автокран — Вешенская строится, преобразается. Здесь уже не так просто встретить старые плетни да знаменитые завалинки. По крутому подъему поднимаемся в станицу. И сразу становится ясным, что слово «новый» — самое характерное для нынеш-

них Вешек. Вот новое кафе с интерьером, отделанным в самобытном стиле, универмаг весь из стекла и бетона, книжный магазин, о котором разговор особый. Перед юбилеем знаменитого писателя внутренний облик магазина сильно преобразился: удобные стеллажи, красивые панели и указатели украшают зал. В этот день работники магазина заканчивали последние приготовления и не без волнения старались найти точное место для инкрустированного портрета М. А. Шолохова, чтобы он как можно лучше «гармонизировал» с портретом основоположника социалистического реализма А. М. Горького. И было в этом что-то символическое. Ведь именно Алексей Максимович одним из первых заметил талант совсем еще молодого писателя и поддержал его в самом начале литературного пути. Думал ли Горький в ту пору, что их портреты через десятилетия окажутся рядом?

По-особому красива Вешенская площадь. Многие повидать этот старый майдан на своем веку. А вот и приметы нашего времени. В небольшом скверике установлена стела с рельефом первого летчика-космонавта. На ней слова: «Здесь на площади 13 июня 1967 года выступал на митинге трудящихся первый летчик-космонавт Герой Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин». И у стелы вспомнился мне рассказ преподавателя Ростовской высшей партийной школы М. П. Рубана, возглавлявшего тогда один из соседних райкомов партии, об этом митинге, о яркой, запоминающейся речи Гагарина, который приезжал в Вешенскую по приглашению М. А. Шолохова. Их связывала теплая человеческая дружба.

От станичной площади рукой подать до притаившегося в зелени, но заметного из любого уголка нашей планеты, светлого особняка. Мы знали, что Михаил Александрович дома, и все же трудно

было представить — великий писатель совсем рядом.

Подъехала машина, ворота отворились, и она почти бесшумно вкатилась во двор. Вслед за ней вошли и мы. И сразу бросилось в глаза обилие зелени. Лишь верхняя часть дома да лесенка выглядывали из-за деревьев. Вокруг дома буйно разросся сад.

Через дорогу чуть на возвышенности добротный дом. Детишки беспечно играют во дворе. Тут же барахтаются куры. Обычная жизнь. На улице вышла красивая, статная женщина:

— Хотели увидеть Михаила Александровича? Раньше он часто во дворе появлялся — все в саду порядок наводил. Да и в станицу охотно выходил. Но сейчас, видно, со здоровьем похуже стало...

Уютный дом писателя стоит на крутом берегу, откуда открывается неповторимый вид на излучину полноводного Дона. Деревья сбегают по крутизне к самой реке, где у берега примостилась моторная лодка. Это, наверное, на ней Михаил Александрович, прихватив снасти, отправляется в заветные места на рыбалку.

Смотрю на спокойное, мощное течение Дона и думаю о том, что оно сродни творчеству мудрого писателя, такому же мощному, неторопливому и глубинному.

...А вечером в Миллеровском Доме культуры то и дело вспыхивали аплодисменты. Зрители с восторгом встречали выступление вешенцев. Когда со сцены звучали шолоховские слова из спектакля «Поднятая целина», миллеровцы хлопали с особым усердием. Они аплодировали и мастерству самодеятельных актеров, и таланту писателя, давшему бессмертную жизнь своим глубоко народным героям.

Е. ДУБРАВНЫЙ.

На снимках: шолоховские места.

Фото автора.

